



Ирина

Кнорринг

ЗОЛОТЫЕ МИРЫ

* * *

С улыбкою неотвратимых дней
Теперь смотрю в мои воспоминанья.
Я не люблю восторженных людей
И не люблю крикливых восклицаний.

Но были дни, когда душа цвела
И жизнь меня несла поэмой плавной.
Ты думаешь – тогда весна была?
Нет, осень мутная шатала ставни.

1925

* * *

Чей глас в печальный вечер лета
В бездонной неба глубине,
Как лира страстная поэта,
Звучит в вечерней тишине?

Чей зов призывный, зов могучий,
Печальный зов меня зовёт?
Чей голос нежный и певучий
В порыве горести поёт?

1919

В ЦЕРКВИ

У царских врат красная лампадка.
От неё тонкие лучи.
Хор поёт нежно и так сладко.
Чуть колыхнется пламя свечи.

Вокруг всё тихо, всё веет тайной.
Немного жутко, пусто, темно.
О чём-то шепчет ветер случайный.
Чёрная ночь смотрит в окно.

Всё тихо, тихо. Недвижны тени.
Над алтарём сплетенье лучей.
Недвижный в чёрном встал на колени
И тихо смотрит на пламя свечей.

В углу перед иконами святыми
Клубится ладан в неподвижной мгле,
Кто-то рядом шепчет святое имя,
И хочется мира на тревожной земле.

И чего-то страшно.

В тоске безответной
Луч лампы пробежал и погас.
Святой Боже, Святой Крепкий,
Святой Безсмертный,
Помилуй нас!

1923, Сфаят

В БИЗЕРТЕ

Я ехала по пальмовой аллее
На быстром, словно конь, велосипеде.
Мне дул в лицо солёный ветер с моря,
И солнце жгло меня своим лучом.
Там, как всегда,
какой-то резвый мальчик



Учился ездить на велосипеде
 И падал, не умея руль держать.
 И бегала за ним толпа мальчишек,
 Придерживая за седло.
 Когда-то по узорной тени листьев
 И я здесь так же начинала ездить
 Там, где теперь несусь легко и смело,
 Одной рукой придерживая руль.

...На пляже вырос
 длинный ряд кабинок.
 Едва шуршало ласковое море,
 И раздавались радостные крики,
 И громкий смех, и звонкие слова.
 Я повернула влево, где дорога
 Была покрыта пылью и камнями.
 Дома теснились, как грибы. И дети
 Играли на пустынной мостовой.
 И толстая босая итальянка
 На куст колючек вешала бельё.
 Я въехала на ровную дорогу
 И быстро заскользила по асфальту.
 С небес безоблачных жгло солнце
 И раскаляло камни мостовой.

По главным улицам я ехала одна,
 Лишь в угловых кафе и шумных барах,
 На ровном тротуаре, под навесом,
 Сидела публика у маленьких столов
 С бокалом ледяного пива.
 А у дверей высокого костёла
 Шумела пёстрая воскресная толпа.
 Мелькали канотье, пестрели банты
 И голубые шапки офицеров,
 И яркие костюмы хрупких женщин,
 И белизна открытых рук и плеч.

Я быстро ехала на треугольник,
 Где гордо к нему устремлялись пальмы
 И где вокруг извозчики лениво
 Под козлами дремали на жаре.
 Не встретив там того, кого искала,
 Я снова быстро повернула к морю.
 Завешены витрины магазинов,
 На тротуарах не было прохожих,
 Пыхтя, не ползали автомобили,
 Навстречу никого не попадалось,

И улицы, напуганные зноем,
 Так были странно глухи и пустынны,
 Пустынны – как душа моя пустынна,
 Способная вместить в себя стихии,
 И жгучесть солнца, и дыханье ветра,
 И шорох моря, и напевы слов, –
 Как та душа, которая преступно
 Не сберегла случайного богатства...

1924

* * *

Пусть страшным бременем идут года
 И давит непосильная невзгода,
 Ведь ум и сердце знают, что всегда
 Стремится к равновесию природа.

Что нет обид и прихотей судьбы,
 Несчастных нет, неравной нет борьбы,
 И яркий день возьмут ночные тени,
 Что смех всегда теряется в слезах,
 Что жизнь и смерть –
 две чаши на весах,
 И вечность будет примиреньем!

I/X, 1923

БЕДУИНКА

Как будто на пёстрой картинке
 Далёких сказочных стран,
 Красавицы бедуинки
 Отточенный гибкий стан.

Из древних легенд и преданий,
 Из песен степей и гор
 Возникли синие ткани
 И пламенный дикий взор.

Как в статуе древней богини,
 В ней дышат величье и мощь.
 В ней слышится зной пустыни
 И тёмная душная ночь.

Над ней – колдовства и обманы,
 Дрожанье ночного костра,

И звон, и хохот тимпана
Под тёмным сводом шатра.

И вся она – сон без названья
У серых стволов маслин,
Глухой Атлантиды преданья,
Лукавый мираж пустынь.

Блестящи на ней браслеты,
И взгляд величав и дик,
Как кованые силуэты
Из ветхозаветных книг.

1924

ЗОЛОТОМУ ПЕТУШКУ

*Был у царя Додона петушок,
Полон света, шума, звона, – золотой.
Песни «Золотого Петушка»*

В лапотках, с весёлой пляской
В африканский городок
Залетел из русской сказки
Звонкий русский петушок.

В мир усталых наших стонов,
В мир тоски, дождя и гроз
Петушок царя Додона
Искру яркую занёс.

Мы – устали. Мы – уснули
В жизни серой и пустой.
Дни ненужные тянулись
Утомительной тоской.

Но туман дождливой ночи
Светлым сделал петушок –
Показались нам короче
Ленты вьющихся дорог.

И с души спала плесень,
И растаяла тоска
В сказках, шёпотах и песнях
Золотого петушка.

1924

* * *

Я старости боюсь – не смерти,
Той, медленной, как бред, поры,
Когда озлобленное сердце
Устанет от пустой игры.

Когда в волненьях жизни грубой
Ум станет властен над душой
И мудрость перекосит губы
Усмешкой медленной и злой.

Когда тревога впечатлений
Сухой души не опалит
Ни очертаньем лунной тени,
Ни бодрим запахом земли.

Когда вопросов гулкий ропот,
Ошибки, грёзы и печаль
Заменил равнодушный опыт
И уж привычная мораль.

Когда года смотреть научат
На всё с надменной высоты,
И станет мир наивно-скучным,
Совсем понятным и простым.

И жизнь польётся без ошибки,
Без впечатлений и тревог,
Лишь в снисходительной улыбке –
Чуть уловимый холодок.

1925

* * *

В закате что-то есть неуловимое,
Неясное, глухое и печальное.
И не могу пройти спокойно мимо я,
Когда в окне пылают горы дальние.

Есть скрытый смысл
в строках стихотворения,
Что в сердце стонет
золотыми струнами.
Так нежно пели только дни весенние,
Так грустно стонут
только ночи лунные.

Коль у мечты о счастье

крылья связаны,

Так нежно думать думы безответные.

Та боль легка, которая не сказана,

Красива песня только недопетая.

1923

РОЖДЕСТВО

Я помню,

Как в ночь летели звёздные огни,

Как в ночь летели сдавленные стоны,

И путали оснеженные дни

Тревожные сцепления вагонов.

Как страшен был заплёванный вокзал,

И целый день визжали паровозы,

И взрослый страх беспомощно качал

Мои ещё младенческие грёзы

Под шум колёс.

Я помню,

Как отражались яркие огни

В зеркальной глади тёмного канала,

Как в душных трюмах увядали дни,

И как луна кровавая вставала

За тёмным силуэтом корабля,

Как становились вечностью минуты,

А в них одно желание: «Земля!»,

Последнее – от бака и до юта –

Земля, но чья?

Я помню,

Как билось пламя восковых свечей

У алтаря в холодном каземате,

И кровь в висках стучала горячеей

В тот страшный год

позора и проклятья,

Как дикий ветер в плаче изнемог,

И на дворе рыдали звуки горна,

И расплывались линии дорог

В холодной мгле,

бесформенной и чёрной,

И падал дождь...

1925

* * *

Я жизнь люблю за то, что даль темна,

Что тихий ливень хлещет в стёкла,

Что есть в году и осень, и весна,

За то, что улица намокла,

За то, что страшен заглушённый крик,

А мысли – скользкие, как слизни,

За то, что ни один унылый миг

Не будет вычеркнут из жизни.

1926

ИЗ ДНЕВНИКА

В тот день ни купол неба мутно-синий,

Воздвигнутый над городом, как храм,

Ни красота архитектурных линий

В туман закутанного Нотр-Дам,

Ни глубина Латинского квартала

Не радовала и не волновала.

И не было трагедии, ни фраз,

Звучащих патетически. А просто

Мне было скучно. И в ресницы глаз

Вплетался мутный, синеватый воздух.

И долго я стояла на мосту,

Уныло вглядываясь в пустоту.

И вызвал вдруг впервые цепкий страх

Среди фигур у левого портала

Святой, которого не раз видала,

Держащий голову свою в руках.

За мной следил,

как некий тайный зритель,

И, может быть,

благословлял Мыслитель.

А дома – знала – безнадежный круг,

Где время крутит часовые стрелки,

А на столе – немые тарелки,

На лицах – боль и на губах – испуг.

А я люблю весёлый, звонкий смех,

Быть может, больше всех,

сильнее всех...

В тот день без шляпы,

с спутанной причёской,

Бродила я по берегам реки,

Легли на нежный мрамор плеч
Волос распущенные пряди.

В неверном свете фонаря
В саду захлопнулась калитка,
А завтра – новая зоря,
Чтоб снова начиналась пытка.

Чтоб снова ждать, закрыв лицо,
В платок закутываясь серый,
Смотреть на белое крыльцо
И слушать шорохи портьеры.

Цветы склоняются, шурша,
Ночь внемлет шороху и стуку...
О, разве вынесет душа
Такую дьявольскую муку?

* * *

*Мы – забытые следы
Чьей-то глубины...*

А.Блок

Не широка моя дорога,
Затерянная в пыльной мгле...
Да что ж? Я не одна. Нас много,
Чужим живущих на земле.

Нам жизнь свою прославить нечем,
Мы – отражённые лучи,
Апостолы или предтечи
Каких-то сильных величин.
Нас неудачи отовсюду
Затопчут в грязь, швырнут в сугроб...
Нас современники забудут,
При жизни заколотят гроб.

Мы будем по углам таиться,
Униженно простершись ниц...
Лишь отражением зарницы
Сверкнём на белизне страниц.
И, гордые чужим успехом,
Стихами жалобно звеня,
Мы будем в жизни только эхом
Вдали рокошущего дня.

1924

* * *

Можно всё друг другу рассказать,
Всё открыть до самого святого.
Заглянуть нечаянно в глаза –
Угадать несказанное слово.

Можно все условности стереть,
Как своё, принять чужое имя,
Вместе жить и вместе умереть
И остаться всё-таки чужими.

1931

* * *

Глядишь на звёзды
взором вдохновенным
С откинутой красиво головой.
Тревожно мыслишь
о судьбе вселенной:

«Ведь, в сущности, не знаем ничего!
И из каких таинственных расчётов
Явился воздух, и тепло, и свет?»

А у меня одна, одна забота:
Куда поставить твой велосипед?

1931

ВСЕЛЕННАЯ

Небесный свод –
к земле склонённый плат,
Грозящий мир тысячеглазый.
В немую гладь ничей пытливый взгляд
Ещё не проникал ни разу.

Глухая даль, где каждая звезда –
Великий мир, предвечный и нетленный,
И мы – песчинки – падаем туда,
В пасть ненасытнующей Вселенной.

И только лишь одно меня мирит,
Что всё великое от века и до века,
Пространства, вечность, времена, миры –
Живут в сознание человека.

1924

* * *

Как величественный голос пророка,
Гром прокатился шаром.
Наступает исход рокового срока –
Сердце зажглось пожаром.

Дождь. Черепицы лязгают, как кости,
Как сабли, свистит ветер.

Сейчас мой тёмный двойник
придёт и спросит
О счастье на этом свете.

1924

* * *

Как он спокоен, говорит и шутит,
Бессмысленный убийца без вины,
Он, оглушённый грохотом орудий,
Случайное чудовище войны.

Как дерзок он, как рассуждает ловко,
Не знающий ни ласки, ни любви,
А ведь плеча касался ствол винтовки
И руки перепачканы в крови.

О, этот смелый взгляд непониманья,
И молодой, задорно-дерзкий смех!
Как будто убивать по приказанью
Не преступленье, не позор, не грех.

1924

ТЕРЦИНЫ

Ты говоришь – не опошляй души.
Сама душа ведь, пошлая, трепещет,
А разум ждёт в тоскующей тиши.

На сердце холод, жуткий и зловещий,
И как не слушать шёпота земли?
На свете есть диковинные вещи.

Ползут в морском тумане корабли.
Зачем теперь на них смотреть украдкой,
Когда в душе все струны порвались?

Ты говоришь: там холодно и гадко.
Пусть так. Но это – тёмный храм.
Лампадами горят мои загадки.

Все чувства и мечты хранятся там.
Пусть нет сокровищ там. Без содроганья
Его ключей я никому не дам.

А я молчу, хочу великой дани
С земли, с травы, с деревьев и камней,
Где цвёл мой взгляд наивного незнания.

Да, хорошо не знать. Души моей
Тогда бы яд не разделил так быстро.
Но как не знать тоску весенних дней,
Прильнув к земле, холодной и душистой.

1924

НА РЕКАХ ВАВИЛОНСКИХ
(Псалом 156)

На реках Вавилонских
Мы сидели и плакали,
А у ног шелестели струи.
Мы повесили арфы свои – и плакали...
Аллилуйя!

Нам твердили:
«Воспойте нам песни Сионские!»
Сердце жадно тоскует.
Как споём на чужбине мы
Песни Сионские?

Аллилуйя!
Как забудем тебя,
О, Сионе возлюбленный?
Да погибнет, тоскуя,
Кто, утешась, забудет
Свой дом погубленный...

Аллилуйя!
О, блажен, кто младенца
На камни холодные
Бросит в ночь глухую,
Кто всю душу расколлет
О камни холодные.
Аллилуйя!

1924

* * *

Мы давно потеряли дорогу
 К напряжённой и призрачной цели.
 Мы не верили детскому Богу,
 А другого найти не сумели.

Мы совсем перестали смеяться
 И любить непонятное небо.
 Видишь: нервно-сведённые пальцы
 Ищут корку тяжёлого хлеба.

Мы не ждём сокровенного чуда
 И давно разучились молиться.
 И глядят, и томят отовсюду
 Равнодушные, скучные лица.

В этом мире огромных свершений,
 В мире неповторимых созвучий
 Кто нам тихого Бога заменит?
 Кто нас детскому счастью научит?

1933

* * *

Будет день – мы уйдём и забудем
 Наш непрочный и жалкий уют.
 Мы такие же бедные люди,
 Как и те, что повсюду живут.

И никто никогда не узнает,
 Как печален был зимний рассвет,
 Как мечте о несбывшемся рае
 Мы смотрели беспомощно вслед.

И никто уже нам не напомним,
 Где и как, и когда зацвело
 В глубине первобытной и тёмной
 Это непоправимое зло.

1934

* * *

Рано каяться. Жизнь занесёт
 Этот бешеный хмель покаянья.
 Ведь не всё же прошло, не всё
 Будет в жизни моей – без названья.

А когда назову имена,
 Я пойму не прощённую муку –
 Всё равно оборвётся струна.
 И тогда, холодна и бледна,
 Для креста подниму я руку.

И кладя за поклоном поклон,
 Проклиная всей жизни угарность –
 Я вплету еле слышимый стон –
 В покаянии – благодарность.

Париж

